

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ
Карта нижних кольцевых уделов

Не изотрется истина, долг не исчезнет прочь,
А что забыл отец, то вспомнит сын иль дочь.

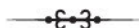
Джумет. Чашу ветра я изопью

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СИРЕНА

Глава первая

Некоторые люди, кажется, думают, что умеренность — это консервант, а сдержанность каким-то образом маринует душу. Они поместили бы свои бьющиеся сердца в банки из-под варенья, если бы могли. Но возникает вопрос: для чего же они себя берегут?

Орен Робинсон из «Ежедневной грезы»

Солнце, пощелкивая, поднималось по проложенным среди газовых звезд железным рельсам все выше над белым городом, Пелфией. Куполообразный потолок был безупречного небесно-голубого оттенка, за исключением тех мест, где краска облезла и показались пятна строительного раствора, похожие на рваные облака. Газовое пламя окольцевало улыбающийся лик механического светила, которое медленно шествовало над городом, оставляя за собой след из сажи. Вечером солнце опускалось в бальный зал, по виду напоминающий большое дождевое облако, — он назывался Чертог Горизонта. Помимо того что зал служил «стойлом» для солнца, он еще и сделался местом проведения частых и необузданных празднеств. Никто не удивлялся, если солнце вставало поздно, задерживаясь из-за того, что шестеренки забились конфетти, блевотиной и нижним бельем. Время от времени, когда ремонт светила особенно запаздывал, в Пелфии случалось затмение, которое могло продлиться два или три дня. В более изысканных кольцевых уделах столь затянувшаяся непредвиденная темнота легко бы спровоцировала бунт, а то и революцию. Но в Пелфии затянувшиеся периоды мрака проходили почти незамеченными, потому что никто не хотел походить на скучающего гостя, который портит веселье, зевая и спрашивая: «А вам не кажется, что час ужасно поздний? Может, пора спать?»

Король Пелфии вел себя скорее как придворный шут, а не наместник, за что его и любили — во многом так же, как чрез-

мерно снисходительного отца обожают непослушные отпрыски. Удел привлекал случайных туристов с далеких берегов и холмов Ура, но единственной надежной отраслью промышленности Пелфии оставалось производство тканей и сшитая из них дорогая модная одежда. Верхние уделы Башни не желали признавать, что они следуют подсказкам такого древнего и на удивление инфантильного королевства, но, несмотря на всю свою раздражающую театральность, пелфийцы знали толк в обращении с пуговицами, нитками и тафтой. Именно по этой причине пятый кольцевой удел иногда называли Гардеробной.

Но в то время как остальная часть Башни признавала только обычные четыре сезона моды, одержимые жители Пелфии каким-то образом умудрялись втиснуть пятнадцать или шестнадцать сезонов в один год. Модистки, сапожники, галантерейщики и портные постоянно соперничали, то потакая текущим увлечениям толпы, то разжигая новые. Знаменитейшие продавцы одежды и тканей вели друг с другом войну, используя витрины как оружие, пока какой-нибудь фасон выреза, подола или оттенок цвета не одерживал победу над остальными и новая модная причуда не подавляла предыдущую. И тогда население меняло краски так же быстро и равномерно, как лес осенью.

Но одержимость местных жителей внешним лоском не затрагивала улицы. Пелфийцы ужасно много мусорили. Частенько под всякими отбросами было трудно разглядеть белые булыжники мостовой. Театральные программы, носовые платки, танцевальные открытки, любовные записки, сломанные каблуки амбициозных туфель и тысячи свидетельств нежеланных чувств переполняли сточные канавы. Рано утром, когда половина города стонала от похмелья и подступающих сожалений, сотни ходов выходили из лачуг с метлами, кистями и горшками известки, чтобы закрасить граффити и ламповую копоть. Армия закабаленных уборщиков расчищала кольцевой удел от порта до площади, где хребет Башни поднимался из центра Пелфии, как шест в цирковом шатре.

Его тень падала на три древнейших сооружения в уделе: Придворный Круг, извилистую и обширную изгородь из про-

волоки и шелка; мюзик-холл «Вивант» — собор, казавшийся хрупким, как побелевший коралловый риф; и Колизей. Когда-то Колизей был университетом, и его толстые колонны и резные фронтоны все еще хранили следы былого. Сцены с участием философов в лавровых венках и поэтов в мантиях по-прежнему украшали высокие притолоки, хотя нижние части тел этих женщин и мужчин кто-то сбил долотом. Оставшиеся безногие фигуры походили на купальщиков, которые забрели на глубину. Вход в колоннаду, когда-то широкий, как городская площадь, уменьшили благодаря железным прутьям и решетчатой двери, никогда не остававшейся без охраны.

Внутри Колизея ликующая толпа наблюдала за двумя полуголыми мужчинами, дерущимися как псы.

Сражающиеся ходы толкали друг друга посреди ринга из красной глины. Их железные ошейники звякнули, когда они сцепились и напрягли мышцы. На трибунах, где когда-то сидели студенты, поглощенные дневной лекцией, зрители теперь потрясали бумажками со сведениями о ставках и так орали, что лица их багровели.

Роскошный балкон витал над трибунами, точно гало. Его перила, которые минуту назад пустовали, заполнили аристократы, привлеченные гулом. Они смотрели на драку, потягивая зеленоватый ликер из хрустальных бокалов и куря черные сигариллы, воняющие мокрым постельным бельем. Сороки и голуби кружили под огромным куполом, вытесненные из гнезд нарастающим шумом.

Дрожа от напряжения, пожилой ход поднял молодого противника над головой и взвалил себе на плечи, как ярмо вола. Медленно повернулся вокруг своей оси, демонстрируя трибунам поверженного соперника, который меньше десяти минут назад вышел из туннеля, стуча себя в грудь. Толпа взвыла. Пожилой ход швырнул юношу на арену, где тот подпрыгнул от удара и распластался лицом вниз.

Все зрители — кроме одного — заплодировали, яростно и громко. Ход-победитель горделиво шествовал по арене, вскинув руки, и его лицо выражало не больше эмоций, чем капюшон палача.

Из туннелей под трибунами появилась команда служителей. Одни принялись выравнивать глину, другие потащили стонущего юношу под землю. Победителя забрали последним — подцепили за железный ошейник парой шестов и увели под ливнем записок с проигравшими ставками.

На нижнем ярусе арены человек, отказавшийся аплодировать, оглядел перила балкона, изучая лица аристократов, одетых в мундиры и смокинги. Небожители не удостоили его ответной любезности.

Как человек, находящийся в розыске, Томас Сенлин находил это пренебрежение забавным. Но те же самые реалии, которые помешали отыскать Марию, теперь скрывали от глаз удела его самого. Башня затмевала навязчивые идеи и желания мужчин и женщин с безразличием такой силы, что оно казалось целенаправленным. Чтобы исчезнуть в этой бурлящей массе, не было нужды долго прятаться или сильно меняться. Томас Сенлин вновь затерялся в толпе. Его анонимность никоим образом не пострадала от того, что объявление о награде за поимку пирата Тома Мадда включало в себя набросок гораздо более свирепого на вид мужчины с подбородком-наковальней, щеками — пушечными ядрами и пылающим, как раскаленная печь, взглядом. Возможно, комиссар Паунд был чересчур раздосадован, чтобы описать человека, который ограбил его и ускользнул, достоверно — как художого мужчину с добрыми глазами и носом, похожим на судовой руль.

Толпа хлынула с трибун в вестибюль, огромный сводчатый зал, в котором голоса и суматоха рождали не просто эхо, но громоподобный гул. У буфета, где разливалось и расплескивалось на пол мутное пиво, образовалась шумная очередь. Еще одна очередь выстроилась у будок букмекеров, где охранники в строгих черно-золотых мундирах следили за тем, чтобы в помещении не было слишком пьяных или слишком расстроенных людей. Обнаружив малейший намек на подобные излишества, охранники делали первое предупреждение прикладом винтовки и второе — штыком.

Оказавшись на мгновение в людском водовороте, Сенлин отдался праздному подслушиванию. Большая часть услышан-

ного касалась последнего боя или следующего, но один разговор выделялся.

— Я слышал, комиссара Паунда отзывают, — сказал мужчина в жилете сливового цвета.

— Сегодня утром об этом не написали в «Грезе», — возразил его спутник.

— Держу пари, напишут завтра. «Комиссара Паунда обставил пират по имени Магд!»

— Как же переменчива судьба!

Сенлин с трудом подавил желание поднять воротник.

Протиснувшись сквозь толпу, он перепрыгнул через растущую пивную лагуну и направился к выходу на балкон.

У подножия балконной лестницы стояла пара остроглазых охранников. Они были в одинаковых униформах, включающих золотые кушаки, сабли, пистолеты и, по-видимому, усы. Сенлин старался не смотреть на мечи у них на бедрах, когда улыбнулся и сказал:

— Привет!

Один охранник чуть скосил устремленный вперед взгляд — ровно настолько, чтобы оценить Сенлина. И, не увидев ничего заслуживающего дальнейшего разговора, отвернулся.

Сенлин сунул руку в карман сюртука, в ответ охранники на несколько дюймов вытянули клинки из ножен. С неторопливой осторожностью хирурга, осматривающего рану, Сенлин вытащил бумажник. Он достал жесткую белую карточку и банкноту в пять мин — сумму, которой когда-то было достаточно, чтобы прокормить его команду в течение шести месяцев.

— Может быть, вы передадите мою визитную карточку менеджеру клуба?

Ближайший охранник, чьи усы были закручены в две идеальные петли, взял деньги и карточку.

— С наилучшими пожеланиями, — прибавил Сенлин и подмигнул.

Охранник разорвал карточку и банкноту, повернул и снова разорвал. Бросил обрывки к ногам бывшего директора школы. Пока Сенлин смотрел на уничтоженное приношение, страж-

ник схватил его за рукав сюртука и наполовину оторвал от плеча. А потом повторил процедуру с другим рукавом.

Не успел Сенлин сказать ни слова, как его грубо оттеснили в сторону несколько мужчин в костюмах черных и блестящих, словно горячая смола. Стражники отдали честь.

— Добрый день, сэра Вильгельм.

Не обращая на них внимания, вельможа продолжал веселую беседу со своими спутниками, которые, казалось, не замечали человека в рваном сером сюртуке.

Сенлин не впервые видел красивого герцога, но ему еще не доводилось оказаться так близко к мужчине, который увел Марию. Сенлин вообразил, как выхватывает оружие у охранника. Представил себе, как сражает герцога метким выстрелом, и тот, вскрикнув от неожиданности, зажимает смертельную рану и падает к ногам мстителя безжизненной грудой. Несомненно, убийца бы погиб через мгновение после герцога, оставив Марию дважды овдовевшей и наполовину спасенной. И это при условии, что она хочет спастись. На подобный вопрос могла ответить только она, а у Сенлина не было возможности его задать.

За столь абсурдную ситуацию следовало благодарить Сфинкса.

Три дня назад Сфинкс, не теряя времени, познакомил Сенлина с его ролью законтрактованного шпиона.

Прошло лишь несколько часов после того, как хозяин Башни продемонстрировал удивительный «Авангард», капитаном которого стала Эдит. А затем они с Сенлином отправились вниз по розовому каньону обиталища Сфинкса, через одну из сотен неразличимых дверей, в диковинную и тесную гримерную.

На стенах висели таблицы размеров. В углу стоял портновский манекен, из хлопковой кожи которого торчали ржавеющие проволочные ребра. Большую часть комнаты занимал огромный гардероб. Он дрожал и грохотал, как кипящий котел. Медные переключатели и циферблаты заполнили одну дверцу. Байрон, оленеголовый лакей Сфинкса, следил за эти-

ми приборами, внося мелкие поправки и бормоча что-то себе под нос. Сфинкс маячил в углу в длинной черной мантии, сужающейся книзу. Он был похож на пиявку с зеркалом во рту.

Сенлин едва взглянул на Сфинкса или чудной гардероб, который казался наполовину шкафом, а наполовину двигателем. Способность удивляться истощилась за время, проведенное в Бездонной библиотеке, где его насильно отучили от крошки с помощью кошмаров, ловушек и кота-библиотекаря. Он еще не успел полностью осмыслить таинственное хранилище, которое показал ему Сфинкс — так называемый Мост, построенный Зодчим, чтобы поместить туда нечто неведомое и запечатать по невысказанным причинам. И это не говоря уже о потере командного поста, об опрометчивом визите в комнату Эдит и о поцелуе — столь ненасытно-страстном, что его скорее можно было ожидать от молодых людей. От всего этого он чувствовал себя не в своей тарелке.

А потом Байрон велел ему раздеться до нижнего белья.

Он неохотно подчинился, и Байрон набросился на него — целясь в горло, плечи, талию и шею — с портновской лентой, которую вытащил из кармана. С каждым новым измерением олень отбегал к шкафу, чтобы повернуть тот или иной переключатель.

Сенлин настолько увлекся этим процессом, что не сразу воспринял заявление Сфинкса о том, что он не будет путешествовать со старыми товарищами по команде на борту «Авангарда», а вместо этого отправится в Пелфию заранее и в одиночестве.

От беспокойства голос Сенлина сделался выше.

— Но почему? Мы все едем в одно и то же место, не так ли? Какая у тебя может быть причина разделять нас?

— Да перестань ты ерзать! — рявкнул Байрон, затягивая ленту на груди Сенлина.

— Мне перестать дышать? Может быть, вы мастерите для меня гроб?

— Еще нет! — сказал Байрон.

— Прекратите, вы оба. — Голос Сфинкса жужжал и потрескивал, перекрывая гудение шкафа. — Сенлин, пожалуйста, убеди меня, что ты не абсолютный дурак. Скажи мне, почему

было бы ошибкой для всех вас идти в Пелфию вместе, рука об руку?

Не обращая внимания на ощупывающего его Байрона, Сенлин сказал:

— Я полагаю, так нас будет легче узнать. Мы довольно... запоминающийся отряд.

— А! Приятно видеть, что от крошки у тебя не все мозги сварились.

Олень в отчаянии заблеял:

— Ты так крутишься, что можно подумать, будто у тебя уши на бедрах!

Сенлин был слишком рассеян, чтобы ответить на колкость Байрона.

— Значит, я пойду один?

— Не драматизируй, Том! Мы будем обмениваться сообщениями каждый день, — сказал Сфинкс.

Сенлин спросил, как это произойдет, и изобретатель описал механических мотыльков, предшественников заводных бабочек, уже виденных бывшим директором школы.

— Мотыльки более примитивны; они записывают звук, но не картинку. Но для целей переписки их более чем достаточно. Байрон перехватит твои послания на борту «Авангарда», передаст всю необходимую информацию экипажу, а затем перешлет их мне. Ты будешь один лишь в телесном смысле. В духовном же мы окажемся близки, как мотылек и пламя.

— Великолечно, — пробормотал Сенлин.

— Далее, я знаю, что у тебя возникнет искушение поискать жену, особенно как только ты ощутишь неизбежное одиночество. Но послушай меня: ты не будешь прилагать никаких усилий, чтобы связаться с женой, когда...

— Если! — Сенлин вцепился в ковер босыми пальцами ног. — Если она там.

Однажды ложная надежда уже отравила его, и он твердо решил не повторять ошибок.

— Байрон, у тебя есть газета, которую я тебе дал? — спросил Сфинкс.

Олень, фыркнув, перебросил рулетку через плечо и принялся рыться в кожаной сумке. Через мгновение он достал

сложенную газету и передал ее Сенлину, прежде чем отойти к панели пыхтящего шкафа.

Сенлин слабым голосом прочел заголовок вслух:

— «Герцог Вильгельм Горацій Пелл женится на Сирене, Марии из Исо».

Он посмотрел на дату наверху. Газете было почти семь месяцев. Он хотел читать дальше, но руки не слушались, охваченные внезапной слабостью. Газета упала, как тяжелый театральный занавес.

Перед ним был факт, и все же разум не спешил принять его. Чувство напомнило Сенлину тошнотворное смятение, которое он пережил, когда мальчишкой узнал, что ночью умер дед. Он сразу поверил, что это правда, — о случившемся рассказала мать, а она никогда не лгала. Но в тот вечер, когда ему показали тело деда, вымытое, одетое и приготовленное к поминкам, все стало правдивым в ином смысле. Верить — не то же самое, что знать.

— Она вышла замуж за графа, — пробормотал он, и у него перехватило горло от этих слов.

— Вообще-то, он герцог, — уточнил Сфинкс.

Их прервал звук, похожий на крик пикирующей птицы, который перешел из бормотания в приглушенный вопль. Кажалось, он доносился из шкафа, тот дребезжал все сильнее и сильнее, его петли стучали, как зубы.

Ни Сфинкс, ни Байрон не проявили особого беспокойства. Когда тряска резко прекратилась, Байрон потянул за щеколду и открыл дверцы шкафа.

Внутри на деревянной вешалке, словно на трапедии, висела Волета Борей. Розовощекая, с шарфами и чулками на шее, она бросилась в гардеробную. Несмотря на относительно небольшой рост, Волета заполняла собой каждую комнату, в которую входила. После того как она коротко остригла темные волосы, еще сильнее стали выделяться широкие губы и ярко-фиолетовые глаза.

— Просто ужасно! — радостно воскликнула девушка. — Все случилось так чертовски быстро! Я никогда в жизни не ездила с такой скоростью! Похоже на падение, только в два раза быстрее. Я должна попробовать еще раз.

— Я же сказал тебе, Волета, это не аттракцион. Это Шкаф-Приукрашиватель, — сказал Байрон. — И ты должна ждать своей очереди на снятие мерок, а не бесноваться в моей кладовой.

Волета, не обращая внимания на то, что Сенлин наполовину раздет, заговорила с ним в возбужденном порыве:

— Эта штука соединяется с хранилищем, полным платьев, костюмов и носков, все они свисают с потолка, как летучие мыши. Там почти нет света, но есть механические руки, которые тянутся и хватают вешалки, а затем проносятся сквозь стены! — Одновременно с рассказом она передала бедняге Байрону собранную по дороге «коллекцию» одежды. — Я обещаю, капитан, прокáтитесь разок — и это хмурое выражение исчезнет с вашего лица.

Волета сунула руку под блузку и вытащила из-под воротника со стороны спины черный бархатный диск. Перевернула, постучала по нему костяшками пальцев, и диск раскрылся. Волета надела получившийся цилиндр. Он сразу же упал ей на уши.

Все еще как в тумане, Сенлин протянул ей газету:

— Я ее нашел.

Волета взяла газету, сияя от волнения, но радость увяла, когда она прочитала заметку. Смутившись, девушка стянула с головы шляпу.

— Герцог? Она вышла замуж за герцога? Я не понимаю. Она твоя жена. Она не могла... я думала, что она... мне так жаль, капитан.

— Больше не капитан, — сказал Сфинкс, словно пытаясь унижить Сенлина еще более основательно.

Сенлин повернулся к Сфинксу:

— Она хотела выйти за него замуж или ее вынудили?

— Боюсь, что подслушивающие устройства и газеты могут рассказать не так уж много. Я не знаю, сказала ли Мария «да» по собственной воле или герцог ее заставил. То, что было сказано шепотом, то, что сокрыто в душе, — к этому стоит прислушиваться внимательнее. — При этих словах Сфинкс съежился, и черные одежды растеклись по полу.

Он приблизил большое, как серебряное блюдо, лицо к лицу Сенлина.

— Тогда я должен спросить ее, — решительно заявил Томас, стоя в одном белье.

— Неужели у тебя такая короткая память? Я только что сказал, ты не должен разговаривать с женой. Ты не будешь писать ей писем. Ты не будешь шпионить за ней из кустов. Ты не приблизишься к ней, ее мужу или их дому.

То, что родилось как холодная, беспомощная печаль, теперь согревало Сенлина от сердца до кончиков пальцев.

— Как ты можешь быть таким бессердечным? Неужели в тебе нет ничего человеческого? Ты ведешь себя так, словно она — каприз, нечто мимолетное. Все не так! Она женщина, чью жизнь я разрушил! Погубил своей гордыней, негодностью, себялюбием. Я найду ее. Я предложу ей помощь, если она в ней нуждается, сердце, если она его хочет, и голову, даже если она пожелает увидеть ее насаженной на пику! А ты, с твоими заговорами и контрактами, с твоей трусливой маской и заводным сердцем, — ты меня не остановишь!

Волета и Байрон застыли в наступившей тишине. Они ждали, переживет ли Том свою вспышку гнева или Сфинкс испепелит его на месте.

Наконец Сфинкс вздохнул, и вздох был похож на звон монет, падающих в канализацию. Протянув руку, Сфинкс повернул зеркало. Оно упало быстрее, чем черный саван осел на пол. Сенлин ахнул. Он узрел лицо женщины, похожее на лоскутное одеяло из металла и плоти, смуглое и морщинистое, как скорлупа грецкого ореха. Пластины из драгоценных сплавов теснились вокруг окуляра, больше подходящего для микроскопа, чем для лица древней женщины. Возможно, самым странным было то, что она не стояла, а сидела, скрестив ноги, на парящем в воздухе блюде. Сенлин поднес руку к красному свечению, исходившему от дна парящей платформы. Воздух там был тепловатым и беспокойным, как будто насыщенным электричеством, но не обжигал.

Он в изумлении посмотрел на Волету. Поймав его взгляд, она выпалила не слишком убедительно:

— О боже! Это же летающая старая карга!

— Ну что ты, Волета, — сказала Сфинкс, отодвигая медный рог, искажавший ее голос. Без фильтра тот звучал скрипуче и пронзительно, но при этом на удивление заурядно. — Единственные живые люди, которые видели мое лицо, стоят в этой комнате. Видишь ли, Томас, деловой контракт — это своего рода искусственное доверие, и только. Но мы, все четверо, уже вышли за его пределы.

— Но я не... почему я? — спросил он. — И почему Волета? Сфинкс задумчиво потянула себя за пухлую мочку уха.

— Возможно, потому, что ты способен на раскаяние. Ничто в мире так не подталкивает к доверию, как сожаление. И я доверяю Волете, потому что она сильно напоминает меня саму...

— Мы практически близнецы, — пропищала Волета.

— ...включая ее дерзкий язычок.

— Но если ты так веришь в меня, — сказал Сенлин, чье смущение граничило с гневом, — если так хорошо меня понимаешь, почему запрещаешь говорить с Марией? Конечно, ты должна знать, что раскаяния недостаточно. Если можно что-то исправить, значит нужно это сделать.

— Мое доверие к тебе, Томас, не означает, что ты иногда не ведешь себя как дурак. — Прежде чем Сенлин успел возразить, разоблаченная хозяйка Башни продолжила, летая на «подносе» над ковром туда-сюда мимо него. — Давай все обдумаем, давай поразмыслим, как может пройти твоя попытка увидеться с женой. Допустим, ты пренебрежешь моими советами, моими приказами, твоим контрактом и нашей дружбой и отправишься на поиски Марии. Допустим, тебе действительно удастся встретиться с ней, что станет немалым подвигом, потому что она замужем за популярным и очень влиятельным герцогом. По-твоему, как она отреагирует, когда перед нею возникнет муж из прошлого? — Сфинкс перестала летать, словно давая Сенлину возможность ответить, но как только он перевел дыхание, она продолжила за него: — Может быть, она обрадуется! Может быть, скажет: «О, Том! Моя любовь вернулась! Я спасена! Забери меня домой!» — Сфинкс хлопнула в ладоши — ее руки по-прежнему были в перчатках, — издевательски изображая радость. — Но может быть, она рассер-

дится. Может быть, она заявит: «Ты! Ты разрушил мою жизнь, жалкий червяк!» — И Сфинкс погрозила ему кулаком. — Что бы это ни было, каковы бы ни были ее чувства, одно несомненно: она удивится, увидев тебя. А что делают люди, когда действительно удивлены? — Сфинкс перевела взгляд на Волету. — Что, если она выпалит твое имя, ахнет, упадет в обморок или закричит? Если герцог услышит, не будет иметь значения, от радости это или от испуга. Неужели ты думаешь, что он обрадуется тебе, своему сопернику? Если повезет, он выместит свое неудовольствие на тебе. Но если он неразумный или ревнивый мужчина, если он жесток, не выместит ли он это самое неудовольствие и на ней?

Сенлин нахмурился, не зная, как спорить с логикой Сфинкса. По крайней мере, пока не зная.

— Что ты предлагаешь?

— Волета поговорит с Марией от твоего имени. — Сфинкс махнула рукой в сторону девушки. — Волета может носить платья. Она может реверансами проложить путь в высшее общество. Я полагаю, ее станут приглашать на вечеринки, куда ходят герцог и герцогиня. Она дождется подходящей минуты, а когда настанет время — украдкой задаст вопрос.

— Я не хочу, чтобы Волета занималась моими грязными... — начал Сенлин, но Волета перебила его:

— Я сделаю это.

— Подожди минутку. Ты не знаешь, на что подписываешься. Это опасно? — спросил Сенлин.

— Конечно опасно! — Сфинкс рассмеялась. — Большинство настоящих поступков таковы. Но она будет не одна. Я посылаю с ней амазонку.

Сенлин не сомневался, что Ирен защитит Волету ценой собственной жизни, но речь по-прежнему шла о единственном защитнике. Что предпримет амазонка, если герцог, флот или весь кольцевой удел обратятся против них?

— Я не могу допустить, чтобы они рисковали собственными шкурами из-за моих ошибок. Мы должны придумать что-то...

— Вы больше не капитан, — сказала Волета. Она произнесла это без злобы, но все равно слова больно задели. — Вы

больше не можете приказывать, мистер Том. Итак. Я хочу поехать в Пелфию.

— Вечеринки там просто великолепны! — сказал Байрон, радостно тряхнув рогами. Он помог Сенлину надеть новую рубашку с белым воротничком. — Люди ужасны, но вечеринки прекрасны. Я прочитал сотни историй: вальсы, музыка, закуски, остроты...

— Мне это не нужно! — отрезала Волета. — Мне плевать на танцы, жратву и этикет-шметикет! Я иду, потому что этот человек спас мне жизнь. Он спас жизнь моему брату. Так что теперь моя очередь быть... хорошей, или кем мы теперь заделались. — Она повернулась к Сенлину. — Обещаю, я верну ее.

— Это невероятно храбро и самоотверженно и... спасибо. — Сенлин слишком хорошо знал девушку, чтобы думать, будто ее можно отговорить от выбранного пути. — Но, Волета, пожалуйста, ты должна быть честна с ней. Расскажи все. Расскажи о воровстве, пиратстве и кровопролитии. Расскажи о голоде, о пристрастии к крошке и... обо всем этом.

— Обо всем? — переспросила Волета, вновь делая шляпу плоской. — А что я должна сказать? «Привет! Вы меня не знаете, но ваш бывший муж прислал меня поведать вам, какой он теперь ужасный человек. Просто подонок! Но он хочет вас вернуть. О да, очень хочет! Стойте, мадам, куда это вы?» — Она раскрыла шляпу ударом кулака. — Непростое дельце, мистер Том.

Сенлин сунул руки в рукава сюртука, который протянул ему Байрон. Тот идеально подошел. Странно было снова надеть новый, сшитый на заказ костюм. Он посмотрел на свои покрытые шрамами и обветренные руки, торчащие из безупречно чистых манжет. Возникло ощущение, будто его сшили из двух разных человек.

— Мария должна знать, на что подписывается. — Он попытался засунуть руки в карманы, но обнаружил, что они зашиты. — Я не стану ее обманывать. Не буду притворяться, что я тот человек, за которого она вышла замуж. Я думаю, что не полностью погублен, или, по крайней мере, не безнадежен, и, возможно, мы еще можем вернуться домой, но если она счастлива в новой жизни, я не стану для нее помехой.

Не зная, что ответить на это искреннее заявление, Волета попыталась сделать реверанс. Она согнула ноги в коленях, резко опустила голову и вскочила, как пружина.

— Что это было? — в ужасе завопил Байрон. — Ты что, кобыла, которая выпрашивает яблоко?

— Позже у нас будет достаточно времени, чтобы попрактиковаться в реверансах, — вмешалась Сфинкс, прежде чем Волета успела возразить. — Теперь, когда ваши дела улажены, я хотела бы обсудить свои.

— Полагаю, это связано с Люком Маратом, — сказал Сенлин.

— Подозреваю, что так и есть. Кто-то уничтожает моих шпионов, моих бабочек. Точнее, кто-то внутри Колизея. Там местные жители развлекаются, наблюдая, как ходы истекают кровью.

— Похоже, они очень милые люди, — заметила Волета.

— Это именно та разновидность несправедливости, которая объединяет ходов на стороне Марата. Дело не в том, что Марат действительно против кровопролития, он просто предпочитает, чтобы кровь проливалась во благо его собственного замысла. Замешан он в этом или нет, ясно одно: кто-то не хочет, чтобы я знала, что происходит в Колизее.

— Но если это не Марат, если тебя ослепляют местные — что им скрывать?

— А! Теперь ты задаешь правильные вопросы. Я знала, что из тебя выйдет отличный шпион, Том. Есть еще одна вещь, которую вам следует знать. Колизеем управляет Клуб, членом которого, как ты помнишь, является герцог Вильгельм. Так что твое расследование, вероятно, вынудит тебя с ним пересечься. Но ты сделаешь все возможное, чтобы избежать этой встречи.

— Для такого большого места Башня иногда кажется ужасно маленькой, — сказал Сенлин с кислой улыбкой.

— «Маленькой», — говорит он. Маленькой! — Палочка, которую Сфинкс сжимала, начала плевать и искриться, как молодая ветка в огне. — Если угодно, я могу отправить тебя в удел Тейн, где сотня винтовок исчезла из запертой оружейной комнаты. Или в удел Яфет, где недавно обрушилась ули-

ца, очевидно, по причине туннеля, который рыли в неполюженном месте. Или в Баннер-Вик, где за последний месяц сгорели две библиотеки. Верфи в Морике неоднократно подвергались саботажу. Может быть, мне послать тебя туда? — Ее голос поднялся до крика. — Я решила отправить тебя в Пелфию, потому что у нас там общие интересы. Но мое милосердие и судьба — разные вещи. А верить в то, что Башня маленькая, может только маленький человек.

Искренне принимая выговор, Сенлин поднял руки в знак капитуляции.

— Прости. Это были легкомысленные слова.

Извинение успокоило старуху. Яркая искра исчезла с кончика ее палочки. Она вытащила что-то похожее на маленький шарик изнутри перчатки. Она протянула медный катышек Сенлину, который с ужасом увидел, как тот отрастил восемь ножек и описал круг по ее раскрытой ладони. Сфинкс поцокала языком, покачала головой и постучала по механическому арахниду пальцем. Паук снова свернулся клубочком.

— Проглоти это.

— Ты же не серьезно, — сказал Сенлин.

Сфинкс указала на Волету, чей рот уже приоткрылся.

— Юная леди, если скажете хоть слово, то сами съедите его. Послушай, Томас, это совершенно безвредно. Он поможет нам найти тебя, если потеряешься. Считаю, что это страховочный трос, как у воздухоплателей. — Сфинкс снова протянула ему свернувшегося клубочком паука. — Или, если предпочитаешь, я попрошу Фердинанда помочь с введением его внутрь?

Сенлин взял «пилюлю», положил на язык и проглотил с легкой дрожью.

— Вот и славно. Это ведь не так уж и плохо, правда? — Она взяла с подноса кожаный бумажник и протянула ему. Открыв, Сенлин обнаружил толстую пачку двадцатиминных банкнот. — Будешь представляться боскопским туристом, бухгалтером по имени Сирил Пинфилд.

— Сирил! — Волета рассмеялась.

— Нам придется поработать и над твоим смехом, — заметил Байрон.

Оглавление

Часть первая. СИРЕНА	11
Часть вторая. ПРЫГАЮЩАЯ ЛЕДИ	189
Часть третья. ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ	381
Благодарности	636